

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.8q28-at28

EDN: FPKNIO

УДК 338(091)

АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ ЗАОСТРОВЦЕВ

МЦСЭИ «Леонтьевский Центр»,

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Травин Д. Как мы жили в СССР.

М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 512 с.

ISBN 978-5-4448-2531-0

Ссылка для цитирования: Заостровцев А. П. Рецензия на книгу: Травин Д. Как мы жили в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 512 с. ISBN 978-5-4448-2531-0 // Петербургская социология сегодня. — 2024. — № 26. — С. 140–147. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.8q28-at28; EDN: FPKNIO

Книга известного петербургского специалиста в области исторической социологии и экономической истории представляет научно-популярное осмысление периода жизни автора, хронологически почти совпадающего с тем, который назвали развитым социализмом. Автор слегка затрагивает конец 60-х годов XX века (хотя рассуждениям о поколении «шестидесятников» отводится достаточно места) и потом погружается в 70-е годы, останавливаясь лишь на рубеже перестройки. Весь этот период он именуется долгими семидесятыми.

Однако книга не есть строгое хронологическое повествование. Автор поднимает ту или иную проблему советской жизни и всесторонне ее рассматривает, перемежая при этом научно-популярные подходы с публицистическими и собственными личными впечатлениями, которые обильно и постоянно включаются в текст.

Структура книги весьма оригинальна. Как послесловия к каждой из четырех глав идут многостраничные вставки, которые посвящены

осмыслению эпохальных советских фильмов. Эти послесловия почти не привязаны к содержанию предшествующих им глав, а скорее призваны отразить дух времени. И они, в отличие от глав, идут в хронологическом порядке, даже немного заходя в горбачевскую перестройку (фильм М. Захарова «Убить дракона», 1988 г.).

Первые две главы посвящены экономике. Изложение начинается с экономики дефицита, которая затрагивала всех и каждого, постоянно и довольно ощутимо. Можно сказать, что она сформировала «социалистический образ жизни». Заметим, что само слово «дефицит» в том значении, в котором его привыкли употреблять советские граждане, появилось в словаре сравнительно недавно. Еще в 1920-е годы его связывали исключительно с финансовым дисбалансом (превышением расходов над доходами), и лишь потом оно перекочевало на нехватку товаров и услуг.

Прежде всего, обратим внимание на первую главу, в которой представлена система снабжения граждан, где почти не существовало купли-продажи: ее заменяет административная раздача благ в зависимости от статусов в иерархии. А этих статусов было столько, что даже полное описание индийской кастовой системы меркнет по сравнению с ней. Зарплата доцента в Ленинграде весила куда больше, чем точно такая же зарплата доцента в Тамбове, из-за большей доступности товаров по заниженным административно назначаемым ценам. В то же время зарплата доцента в Ленинграде имела меньшую покупательную способность, чем даже номинально меньшая зарплата заведующего мясным отделом гастронома. Во-первых, из-за большей доступности дефицитного блага (мяса и мясных изделий), во-вторых, из-за возможностей поучаствовать в неформальном теневом обмене дефицита на дефицит: качественное мясо без костей (для «обычных людей» оно продавалось исключительно с костями) на новые итальянские туфли (лишь в редчайших случаях доставлявшихся в советскую торговлю) от заведующего обувным отделом крупного универмага.

Система теневого обмена была двоякой. Описанный выше обмен мяса на туфли был нелегальным. А вот распределение благ пропорционально ступеням служебной иерархии было теньвым, но легальным. Даже не жившие при социализме слышаны про так называемые распределители. Нормы наделения дефицитом там были прописаны разного рода официальными бумагами с грифом ДСП. По понятным причинам они не афишировались.

Заслугой автора книги является то, что он не ограничивается описанием административной раздачи товаров (включая квартиры) и услуг (например, турпутевок или мест в гостиницах), но и приводит похожую систему при поступлении в вузы на престижные в то время специальности. Иллюстрирует ее на собственном примере. Понятно, что как у еврея по материнской линии у него не было никаких шансов поступить на дневное отделение экономического факультета по специальности «политическая экономия» (несмотря на то, что автор «Капитала», Карл Маркс, был стопроцентным евреем).

Важно, что квотирование мест для поступающих Д. Травин не связывает только с «еврейским вопросом». Оно было универсальным. Тут рецензент может сказать свое слово как поступающий точно туда же на 5 лет раньше автора книги. Приемные комиссии должны были решать сложнейшие математические задачи: как разместить на весьма ограниченное количество мест претендентов с различными социальными весами, зачастую неформальными, но обязательными к соблюдению. На первом месте шли члены КПСС с рабочим стажем. Учитывалось и социальное происхождение (из рабочих, колхозников, служащих). Одновременно нужно было принять и блатных выпускников школ: детей партбоссов, высокопоставленных хозяйственников и силовиков, вузовской номенклатуры. На последнем месте шли дети рядовых преподавателей того же факультета, на который претендовали их отпрыски. Рецензент с большим трудом прошел по последней категории. А как автору книги удалось оказаться через год на дневном отделении, вы прочитаете у него самого.

Единственным упущением в части, характеризующей социалистический быт, является отсутствие рассказа о знаменитых «6 сотках». Они и сейчас для многих некая дополнительная опора в жизни. Даже для жителей крупных городов. О малых и речи нет: многие их обитатели способны протянуть на запасах несколько месяцев. Однако автор поступил правильно: он пишет о социализме в свете личного опыта. В области же ведения подсобного хозяйства он у автора, как можно понять, нулевой.

Вторая глава закрывает вопрос потребления и переходит к производственной сфере, включая организацию снабжения предприятий. Посвященная довольно скучной материи, она тем не менее написана живо и читается достаточно легко. Все ее содержимое дает нам яркую картину абсурда, формировавшего социалистическую реальность: предприятия работают на спускаемые сверху и постоянно пересматриваемые

показатели, растрачивая впустую огромные объемы сырья, материалов и не удовлетворяя при этом даже непритязательного советского потребителя значительной частью своей продукции. Работники таких предприятий, понятное дело, трудятся «спустя рукава» (ибо тоже являются дефицитным ресурсом, на который всегда есть запрос) и, при возможности, воруют с рабочих мест все, что судьба позволяет им украсть, отчасти восполняя таким путем отсутствие товаров в официальной торговле.

В то же время автор книги не пошел в глубь описываемого предмета и не поставил вопрос о том, был ли какой-то смысл в существовании подобной системы? Ведь если взглянуть на нее согласно критериям эффективности, принятым в рыночной экономике, она действительно не представляет собой ничего, кроме каких-то странных игр. По-другому она выглядит, если раскрыть ее как механизм закрепощения человека и реализации монополии номенклатуры на политическую власть. Оцениваемая по этим параметрам, она эффективна, а рыночная экономика — нет. Именно поэтому и не пошла так называемая «косыгинская реформа»: сделать ее экономически эффективной означало, в конечном счете, покуситься на «святое» — руководящую и направляющую роль КПСС¹. Поэтому она и была чисто имитационной и ничего принципиально не поменяла в административной экономике.

Д. Травин обходит и другой принципиально важный момент: целевую функцию системы. О ней лишь вскользь упоминается, тогда как она заслуживает особого разговора. Этой целевой функцией (если остановится на ее экономическом аспекте) было соревнование с Западом (прежде всего, США) в области развития передовых вооружений. И надо честно признать, что с этой задачей социалистическое хозяйство справлялось куда лучше, чем с производство модной одежды или телевизоров. Автор видит причину такого положения дел в наличии соревнования между различными военно-промышленными КБ. Не отвергая полностью это обстоятельство, рецензент находит главную причину все же в другом.

В области потребительских и многих других товаров невоенного назначения не было прямой конкуренции с зарубежными производителями. Производители и потребители были соединены административно

¹ Впоследствии соединение тоталитарной власти компартии с рыночной экономикой удалось в КНР, но таковое существует в постоянной борьбе двух начал, и их баланс поддерживается за счет строгого административного контроля за действиями значимых рыночных акторов («капитализм в золотой клетке»).

выстраиваемыми хозяйственными связями, где первым был гарантирован сбыт, а вторым — отсутствие выбора. При наличии госмонополии на внешнюю торговлю телевизор «Радуга» не соревновался с Sony, ибо последняя марка попросту отсутствовала в СССР как таковая. Другое дело в военной сфере: ракете SS-20 непосредственно противостояла реально существующая ракета «Томагавк», самолету «МиГ-23» — реально имевший место самолет F-16 и т. д. Качества вооружений сопоставлялись в прокси-войнах типа вьетнамских или израильско-арабских. И тут, как говорится, игра шла «по гамбургскому счету». Хочешь — не хочешь, а соответствуй. И система бросала все возможные ресурсы (и в количественном, и в качественном измерении) на достижение этого соответствия. Все остальное проходило по остаточному принципу.

Третья глава названа в духе покойного философа Александра Зиновьева: «Гомосос: среда обитания». Упор в ней делается на идеологическое воспитание советского человека: в школе, институте, посредством книг, кино и телевидения и вообще с помощью преподавания и пропаганды идеологизированных учений (последняя сфера и автору, и рецензенту, как бывшим «попам марксистского прихода», особенно близка). Радует, что автор не поддался широко распространенному мифу о прусском учителе, который якобы за счет передачи знаний сделал возможной победу над австрийцами под Садовой (1866 г.). Любопытно, что любой здравомыслящий человек задаст себе вопрос: а так уж много ли надо было знаний солдату в середине XIX века? Автор правильно подчеркивает, что если в чем и отличился прусский учитель, то это в воспитании в духе конформизма и бездумного подчинения, которое переключалось в российские гимназии, а потом и в советские школы.

Советская школа оценивается им как тьма с отдельными проблесками. Таковых было два: во-первых, физико-математические школы (идеология идеологией, а ракеты должны лететь не по Марксу, а по объективным законам физики к Марсу, а гораздо чаще просто точно в цель и поражать врага), во-вторых, английские школы (преимущественно для детей привилегированных родителей). Применительно к последним автор приводит слова из интервью рецензента о том, что там дети познавали политическую систему Великобритании, о которой дети из «простых» понятия не имели. Здесь, пользуясь случаем, добавлю о «вредности» английских школ: мы не читали газету Moscow News, которую в то время писали корявым языком наши полуграмотные выпускники филфаков; мы читали только подлинник — газету английских коммунистов Morning Star, где регулярно наталкивались на

карикатуры на британских премьер-министров. И тут понятно, какие «несвоевременные» мысли возникали у учеников.

Об идеологических «науках». Понятно, что прежде всего, Д. Травин говорит о наиболее близкой ему — политической экономии. В целом соглашусь, что «светлые пятна» были только у московских авторов, имевших привилегированный доступ к первоисточникам и писавших про современный капитализм с фигой в кармане. Однако должен упомянуть и одну книгу по экономике СССР. Научный руководитель моей кандидатской диссертации, профессор Алексей Малафеев, успел до окончания оттепели издать фундаментальную работу «История ценообразования в СССР. 1917–1963» (М., 1964). Уже в 90-е годы прошлого века мне открылось, что почти все писавшие про экономику СССР на Западе ссылались на нее как на главный (если не единственный) источник сведений о ценах, в частности, о колоссальном отрицательном разрыве между заготовительными ценами на продукцию сталинских колхозов и ее себестоимостью.

В целом же об этих квазинауках можно сказать следующее: дураков они делали глупее, умных — умнее. Автор книги намекает на это обстоятельство, указывая, что доступ к научной литературе у идеологов был куда шире (включая спецхраны и не только), чем у какого-нибудь «технаря». Последнему это было не только недоступно, но и не нужно, да и в абсолютном большинстве случаев просто не интересно. Как правило, он застревал в своих представлениях об обществе на уровне того примитива, который до него доносился через СМИ и часы занятий, отведенных в техническом вузе на марксистско-ленинскую подготовку по самым убогим учебникам.

Последняя, четвертая, глава является как бы продолжением третьей. Об этом свидетельствует и ее название: «Адаптация гомососа». Однако читатель ошибется, если подумает, что она о «глубинном народе» того времени. В целом она о противостоянии творческих людей из самых разных сфер науки и искусства и системы, жестко ограничивавшей их самовыражение, право на собственную точку зрения и освещение фактов как настоящего, так и прошлого. Эта борьба шла с переменным успехом. Система действовала изошренно, отлавливала даже аллюзии (самое часто встречающееся в этой главе слово). Так, КГБ вступился за честь своего предшественника, и пришлось в результате графу Мерзляеву (превратившегося по ходу развития сюжета в Мерзяева) стать просто тайным советником из Петербурга, а не служащим Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Впрочем,

фильму «О бедном гусаре замолвите слово» (1980) это не очень повредило, хотя и несколько ослабило историческую достоверность. Если же вернуться к слову «аллюзия», то в современных условиях вся заключительная глава книги есть преднамеренный контекст. Рецензент, конечно, может и ошибаться, но право на это суждение сохраняет за собой.

В заключение о тех вставках, которые Д. Травин назвал последовательно первым, вторым, третьим и четвертым кинозалами. Вышеупомянутый профессор Малафеев любил говорить: «Социализм построили на вине и на кине». Новые художественные фильмы смотрела без преувеличения вся страна. Находку автора книги с разбором кинофильмов как отражения времени надо признать удачной. Единственное, о чем приходится сожалеть, так это о том, что в список не попал фильм «Берегись автомобиля». На взгляд рецензента, можно было пожертвовать разбором двух-трех фильмов из списка ради него одного.

Свою работу (скорее всего, не только эту) автор называет историей для ленивых. Суть его мысли в том, что человек не несет в себе некий исторически устоявшийся социально-культурный код, а может быть переформатирован для нужд той или иной социальной конструкции. Поэтому социум в целом не задается пройденным им в прошлом путем, а есть продукт тех или иных действий современников в тех или иных внешних по отношению к человеку обстоятельствах.

Рецензент не будет здесь вдаваться в спор по методологическому подходу. Тем более что сам автор на последней странице книги выдал очень верное суждение о том, что «гомосос» принял (пусть и нелегко) рыночную экономику с ее товарным изобилием, а демократию отправил в помойку. Встает тогда вопрос: а почему человек из стран Балтии, Польши, Чехии принял и то, и другое? Кто его так разом «переформатировал»?

Д. Травин выражает надежду на то, что новые поколения россиян (по крайней мере, российской элиты) осмыслят необходимость демократии для нормального существования общества так же, как их отцы осознали необходимость рынка для нормального потребления. Вот только не очень понятно: зачем? Снизу ее никто не требует («выбросили на помойку»), не борется за политические права, а сохранение «статус-кво» обеспечивает все преимущества гарантированного монопольного распоряжения государственной властью как своей коллективной собственностью. Возможно, автор постарается разъяснить это противоречие читателю в следующей своей книге.

Сведения об авторе

Заостровцев Андрей Павлович,

кандидат экономических наук, МЦСЭИ «Леонтьевский Центр»,

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Санкт-Петербург, Россия.

zao-and@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 02.11.2024;

принята к публикации: 24.12.2024.

ANDREY P. ZAOSTROVTSEV

National Research University Higher School of Economics, Leontief Center,

St. Petersburg, Russia

BOOK REVIEW:

Travin D. How We Lived in the USSR.

Moscow: New Literary Review, 2024, 512 p.

ISBN 978-5-4448-2531-0

For citation: Zaostrovtshev A. P. Book Review: Travin D. How We Lived in the USSR. Moscow: New Literary Review, 2024, 512 p. ISBN 978-5-4448-2531-0. St. Petersburg Sociology Today. 2024. No. 26. P. 140–147. DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.8q28-at28; EDN: FPKNIO

Information about the author

Zaostrovtshev Andrey P., Candidate of Economic Sciences,

National Research University Higher School of Economics,

Leontief Center,

St. Petersburg, Russia.

zao-and@yandex.ru

Received: 2.11.2024;

accepted for publication: 24.12.2024.